Е. В. Тюттешева, А. А. Озонова, Н. Б. Кошкарева

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НАРОДОВ СИБИРИ

Рассматривается концепт *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* в тюркских языках Сибири (алтайском, хакасском, тувинском, якутском), в одном из обско-угорских языков – хантыйском, и в качестве сравнительного материала привлекаются монгольские языки. В отличие от русского языка, где концепт *РОДИНА* объединяет представления о малой родине и большой Родине как о стране, государстве, в языках Сибири концепт *РОДИНА* находится в процессе формирования во многом под влиянием русской лингвокультуры. В языковых картинах мира сибирских и монгольских народов родная земля предстает как идеализированное, освоенное предками физическое и сакральное пространство. Представления о родной земле связаны с рождением (земля, на которой родился; место захоронения последа), родством (определение родной земли как родителя – матери и/или отца; метафора связи с родной землей через пуповину), объектами, маркирующими «свое» пространство (река, гора, равнинное место с покосными угодьями, лес, родное стойбище, кочевье, очаг). Значимыми являются национально окрашенные качества, свойства, которыми наделяют родную землю носители данных лингвокультур (можжевельник, целебные источники, богатство флоры и фауны, изобилие населяющих родную землю людей и др.). Важным элементом является также эмоциональная составляющая исследуемого концепта, вербализованная яркими выразительными средствами, положительно характеризующими родную землю. Выделяются общие и этноспецифичные черты данного концепта в рассматриваемых языках. Так, универсальным является определение родной земли как места, где родился и вырос человек; представление о родстве человека со своей землей; сакрализация «своего» пространства; обязательное наличие водного объекта. Отмечаются некоторые общие черты между описанием Алтая в языковых картинах мира алтайцев и монгольских народов (устойчивые эпитеты ‘священный’, ‘золотой’, ‘целебный’ и др.). Уникальными являются, например, соматизмы и глаголы в разных тюркских языках, которые характеризуют родную землю как антропоморфное существо и др.

Ключевые слова: *тюркские языки Сибири, хантыйский язык, монгольские языки, языковая картина мира, концепт, лингвокультура, лексика*

Введение

Концепт *РОДИНА* относится к числу универсальных. В разных языковых картинах мира он либо объединяет понятия «большой Родины» как государственного объединения народов и «малой родины», места, где родился и вырос человек, либо в нем акцентируется представление о «родной земле». Для языков коренных народов Сибири общей чертой является концептуализация родной земли. Как показало исследование, концепт *РОДИНА* (большая Родина) в этих языках формируется во многом под влиянием русской лингвокультуры [1]. Неслучайно в исследованиях сибирских языков описываются, как правило, репрезентанты концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* [2–7].

В данной статье анализируется концепт *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* в тюркских языках Сибири (алтайском, хакасском, тувинском, якутском) и в одном из обско-угорских языков – хантыйском. Для сравнения привлекается материал монгольских языков (бурятского, калмыцкого и монгольского).

В языковых картинах мира сибирских и монгольских народов выделяются представления о родной земле, связанные с рождением, родством, объектами, маркирующими «свое» пространство, а также признаками, качествами, которыми наделяют родную землю носители данных лингвокультур. Концепт *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* реализуется в физической сфере как представление об обжитом человеком пространстве, так и в сакральной сфере, в которой родная земля становится объектом почитания и наделяется священным статусом.

1. Репрезентанты концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* в языках коренных народов Сибири

В тюркских языках Сибири и в монгольских языках концепт *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* представлен большим количеством репрезентантов (слов и устойчивых сочетаний), которые различа-

ются функциональными и сочетаемостными возможностями. В хантыйском языке таких презентантов немного.

В тюркских языках и в хантыйском обозначением родной земли является существительное со значением ‘земля’: алт. *жер* ~ хак. *чир* ~ тув. *чер* ~ як. *сир*, хант. *мўв* ‘земля’, а также парные слова и устойчивые сочетания, такие как хак. *чир-суз* ‘земля-вода’, тув. *чер-чурт*, хант. *мўв-йишук* ‘земля-вода’ и др.

Некоторые тюркские народы используют в этом значении также общетюркские лексемы *чурт* ‘стойбище, земля рода; родина’ и *эл* ‘родина; страна; народ’. Кроме того, в значении ‘родная земля’ употребляются такие этноспецифичные слова, как як. *алаас* ‘чистое поле или луг, окруженное(-ый) лесом; чистая поляна среди леса (обычно с озерком посередине); родная земля’, тув. *оран-таңды* ‘высокогорная тайга; родная земля’ и алт. *Алтай*.

В хантыйском языке существительное *мўв* ‘земля’ употребляется с уменьшительно-ласкательным суффиксом =*ийэ*, что указывает на привязанность говорящего к родной земле, эмоциональное отношение к ней: хант. *Имэлтыйән на ци мўвийем нәмән торнәлја, йишукийем нәмән мәрнәлтја* [8, с. 533] ‘Вдруг опять **земелька=моя** трясется, **водичка=моя** гремит’.

В тюркских языках Сибири использование слова ‘земля’ в значении ‘родина’ с уменьшительно-ласкательным аффиксом встречается только в хакасском: *чиріңеем* ‘родина моя’ (букв.: земляца=моя).

Важная общая черта исследуемых языков, сохранившаяся с древних времен, – использование для обозначения родины парного слова ‘земля-вода’ или употребление лексем ‘земля’ и ‘вода’ в конструкциях с параллелизмом: др.-т. *jerim subum* (букв.: земля=моя вода=моя) [9, с. 257]; хак. *чир-суз* ‘родная земля’ и ‘большая Родина’.

алт. *Жерлү кижи јерине јанар, суулу кижи суузына јанар* ‘Человек, имеющий землю, на свою землю возвращается, человек, имеющий реку, на свою реку возвращается’; хак. *Хайдаг чирде чирлігизің, хайдаг сугда суглыгызың?* ‘Где твоя родина, откуда ты родом?’ (букв.: в какой земле с землей ты, в какой реке с рекой ты) [10, с. 969–970].

В. А. Бурнаков указывает на то, что лексема *суз* ‘вода’ как важнейший маркер родного края в хакасском языке может выступать «не только в паре с землей/горой, но еще и самостоятельно» [11, с. 95]: *өскен-төрөн суз* ‘место (букв.: река), где родился и вырос’, *пир суз чон* ‘люди одной местности/реки’ и т. д. Как отмечает Н. А. Тадина, при знакомстве алтайцы называют не только свое имя, свой род, имена своих родителей, но и реку, в долине которой они выросли [12, с. 152]: алт. *Бис Урсул ичининг улусы* ‘Мы из долины [реки] Урсул’. У хакасов такая формула речевого этикета встречается в фольклоре: хак. *Хайдаг чирдең, хайдаг сугдаң пол пардың?* [13, с. 58] ‘Из каких земель, из каких рек ты?’.

Аналогичное представление о родной земле-воде имеется и в языковой картине мира монгольских народов: калм. *һазр-усн* ‘малая родина’ (букв.: земля-вода) [14, с. 42]. По замечанию Д. Санжиной, у монголоязычных народов одной из важнейших морально-этических заповедей является *газар уһаа бузарлажа болохо үгы* ‘нельзя осквернять свои земли и воду’ (букв.: землю-воду, где родился) [15, с. 1488].

В южносибирских тюркских языках важность таких атрибутов родины как земля и вода подчеркивается также специальных глаголов: *чирси-* ~ *черси-* (букв.: скучать по земле), *сухса-* ~ *суқсы-* (букв.: хотеть воды) ‘хотеть на родину’ < *чир* ~ *чер* ‘земля’ < *суз* ‘вода’ + афф. -*сы* с дезидеративным значением: хак. *Тойы-пайы иртин парганда, черліг кизи чирсин, суглыг кизи сухсып, нанап парыпхан* ‘После того как свадьба-пир завершилась, имевшие землю **по своей земле тосковать** стали, имевшие воду своей **воды жаждать** стали – обратно домой уехали’; алт. *Јерим бар деп јерсин тур, / Суум бар деп суузан тур* ‘Говоря «есть у меня земля», **люби свою землю**, / Говоря «есть у меня река», **люби свою реку**’ [16, с. 229].

В хантыйском языке в значении ‘родная земля’ также используются парные слова *мўв-йишук/йишук-мўв* ‘земля-вода/вода-земля’ и параллельные конструкции с обоими этими словами:

хант. *Тәм мўвсә-йиукем пила ат вөлжәм* ‘Пусть я буду жить на своей родной земле (букв.: с этой моей **землей-водой**)’ [8, с. 321–322]; *Щи вўш, мәнәтән, нын па нын мўвән, нын па нын йиукем* [17, с. 109] ‘Довольно, езжайте на вашу **землю**, на вашу **воду**’.

Параллелизм может устанавливаться также и между водой и лесом как неотъемлемым атрибутом земли: хант. *Мўн ци, тәм йиук мўвэв, вонт мўвэв өхтыйән көщайа вөлжэв* [18, с. 29] ‘Мы здесь, на этой **водной земле**, **лесной земле** являемся хозяевами’.

Указание на родное таежное пространство имеется и у хакасов: *тайга суз* ‘тайга река’ [11, с. 95].

У тюрков Южной Сибири еще одним маркером родной земли является гора, которая играет очень большую роль в традиционных представлениях, что отражено и в языке, и в фольклоре, и в обрядовой практике. Часто в контексте ‘гора’ и ‘река’ употребляются вместе как атрибуты «своего» пространства: хак. *Чабыс таа полза, таам пар. / Тайыс таа полза, суум пар* ‘Хоть и низкая, [у меня] **гора** есть / Хоть и мелкая, [у меня] **река** есть’ (т. е. есть своя родина).

Алтайское обращение к родной земле – *агаш-тажым* ‘леса и горы мои’ (букв.: деревья-камни=мои). Горы – символ Алтая, что отражается в названии *Туулу Алтай* ‘Горный Алтай’. В фольклорных текстах, благопожеланиях, песнях используются устойчивые обороты, в которых алтайские горы сравниваются с предметами конской упряжи: *камчы сынду Алтай* ‘с хребтами, как плеть, Алтай’, *кежим сынду Алтай* ‘с хребтами, как седельник, Алтай’, *токум сынду Алтай* ‘с хребтами, как потник, Алтай’ и др.

В эпосе монгольских народов *Алтай* «обозначает свое, родное пространство, куда входят и земля, и гора» [19, с. 166].

Компонент, обозначающий высокую гору, цепь высоких гор, входит в наименование родной земли у тувинцев: *оран-таңды* < монг. *орон* ‘страна, государство; край; местность’ и *таңды* ‘высокая гора с лесами, ледниками, вершина, которая первой встречает утреннюю зарю; цепь высоких гор’ [20, с. 193]. *Таңды* – один из девяти традиционных сакральных объектов, которым поклонялись тувинцы. Старое название Тувы *Таңды-Тыва* также включало этот компонент.

В фольклоре тюркских народов Сибири прослеживается представление о горе как о родителе. Так, главный герой алтайских эпических сказаний или сказок своим отцом называет гору (*Ак Сүмер* ‘Белый Сумер’), а матерью – реку, озеро (*Агын суу* ‘текущая река’, *Ак-Сүт көл* ‘Белое молочное озеро’). В хакасской мифологии гора «представлялась плодоносящим центром, с которым связано происхождение рода и каждого его нового члена» [21, с. 36]. В хакасском эпосе «Алтын-Арыг» внутри скалы рождается богатырка: хак. *Ах хаяның істінде / Позы төреен Алтын-Арыг* ‘Внутри Белой скалы [и вправду] / Сама по себе Алтын-Арыг родилась’ [22, с. 57, 299].

У якутов, напротив, архетипом родины как идеального пространства выступает *алаас* – одно из «главных понятий в культуре народа саха» [23, с. 213], которое связано с равнинным ландшафтом. Уникальный природный ландшафт аласов, включающий сенокосные угодья, озера и леса – подходящую местность для охоты и собирательства, обеспечивал жизнедеятельность всего рода [23, с. 207].

Таким образом, к обязательным атрибутам родной земли относятся такие географические объекты, как водоемы и горы, наделяемые сакральной значимостью. У якутов, как и у хантов, представление об идеальном пространстве связано с равнинным ландшафтом.

2. Родная земля как место рождения и упокоения человека

«Своя», родная земля в рассматриваемых лингвокультурах – это место, где человек родился и вырос, что вербализуется репрезентантом концепта – конструкцией типа «глагол ‘родиться’ и/или ‘вырасти’ в причастной форме + существительное ‘земля’»: хак. *төрөн чир*, тув. *төрээн чер*, як. *төрөөбүт сир* ‘земля, где родился; родина’; алт. *туулган јер* (высок.), алт. *Чыккан јер* ‘место, где родился (вышел)’; алт. *өскөн-чыккан јер/чыккан-өскөн јер* ‘земля,

где вырос-родился / где родился-вырос, родина'; алт. *чыккан-чыдаган јер*, як. *төрөөбүт-үөскээбит сир* 'земля, где родился-вырос'; хак. *өскен төрен чир*, тув. *өскен-төрээн чер* 'земля, где вырос-родился'; хант. *сема питум мўв (тǎхи)* 'земля (место), где родился' (букв.: на глаза появился), *енмэм мўв* 'земля, где вырос'; калм. *төрси һазр* 'земля, где родился' [15, с. 42]; бур. *турэһон газар* 'родная земля; родина' (букв.: земля, где родился).

Существуют также специфичные сочетания, обозначающие рождение человека на своей земле: як. *күнү көрбүт сир* 'место, где родился' (букв.: место, где увидел солнце); хант. *сема питум мўв (тǎхи)* 'земля' (место), где родился (букв.: на глаза появился); монг. *унасан газар* 'родная земля' (букв.: земля, где упал).

В тюркской лингвокультуре связь человека с родной землей усиливается посредством традиционной метафоры пуповины, которая от рождения связывает человека с тем местом, где он появился на свет: алт. *кин Алтай* 'пуповина Алтай' (традиционное обращение к Алтаю); *Эне јер, киндик тудуш јер* [24, с. 179] 'Родная земля, земля, с которой связана пуповиной'; хак. *Полган на чонның кині пос чиринең палгалыстығ* [25, с. 102] 'У любого народа пуповина связана с его родиной'; тув. *Кижиниң хини төрээн чери-биле тудуш* 'Пуповина человека связана с родной землей'.

У монгольских народов важнейшим маркером родовой территории являются места захоронения последов (*тоонто*) детей, посещаемые и почитаемые ими. *Тоонто* стало обозначением и малой родины, места рождения человека (*тоонто газар*) [2, с. 127; 15, с. 1491].

Почитание последа есть и в культуре обско-угорских и самодийских народов [26, с. 78].

Для тюркских народов родина – это также место, где человек стремится окончить свои дни: хак. *Өлген сөөгім кизи чирінде чатпазын, чирі-суума читірін* [13, с. 65] 'Пусть мое умершее тело не лежит на чужой земле, пусть доставят на родину мою'.

В тувинском языке выражение *төрээн черинге сөөгүн салыр* 'класть кости на родной земле' используется в речи пожилых людей, предчувствующих свой скорый уход. Алтайцы говорят *јери тартып јат* 'родина зовет' (букв.: тянет) о сильной тоске человека по родной земле, особенно в пожилом возрасте. У хакасов одно из названий неприкаянных посмертных душ – *хубай* – душа погибшего вдали от родной земли человека [27, с. 192].

Таким образом, через представление о родине как месте рождения и упокоения человека концепт **РОДНАЯ ЗЕМЛЯ** связан с такими центральными для любой лингвокультуры концептами, как **ЖИЗНЬ** и **СМЕРТЬ**.

3. Персонафикация родной земли

Идея родства человека с землей, на которой он родился, представленная через ассоциацию ее с родителями (матерью и/или отцом), имеется во всех рассматриваемых лингвокультурах и, по-видимому, универсальна (ср. рус. *Родина-мать*, нем. *Vaterland*). У сибирских тюрков образ родной земли может ассоциироваться как с матерью, так и с отцом, а также с обоими родителями, у хантов же только с матерью: алт. *эне јер* 'родина, родные места' (букв.: мать земля); хак. *ада-ине чирі* 'родина' (букв.: отца-матери земля), *ада чирі* 'родина, родные места' (букв.: отца земля), *инее чирі* 'родина' (букв.: матери земля); тув. *ие чер* 'мать-земля', *ада чер* 'отец-земля', *ада чурт* 'отцовская земля, родина'; як. *ийэ сир* 'мать-земля, родина, родная страна'; *аҕа дойду* 'родная земля, отечество'; хант. *мўв ауки* 'мать-земля'.

В представлениях многих тюркских народов родная земля выступает как персонафицированная сущность. Так, в хакасской языковой картине мира у родной земли, как и у человека, есть сердце, печень, грудь: хак. *Порчозы нымырт агастың / Парчан сулганча чир көксін* [28, с. 23] 'Цветы черемухи полностью покрывают **грудь земли**'; *Чирім наары-хойнында, / Тус-чылларның хучаанда / Полностью чоным чахсы сарназын...* [28, с. 16] 'На земле моей (букв.: **земли печень-пазуха**) в объятиях времени и годов / Пусть народ мой хорошо живет...'

В хакасской языковой картине мира родная земля обладает душой и дыханием: ...*Көрзіннер ибіркізін, көрзіннер постарынның чир-суун, чир-сууның тынызын, аның ағыршин сизінзеннер, чир-сууның сілиин көрзіннер* [25, с. 34] ‘...Пусть [они] видят окружающий мир, пусть видят свою родину, **дыхание своей родины**, пусть замечают ее боль, пусть видят красоту родины’.

По представлениям алтайцев, Алтай – живое существо, он слышит, видит, к нему обращаются с просьбой и ожидают от него защиты: *Кайран алтайым, туулган јерим, бир алкыжын бер!* [24, с. 140] ‘Родной мой *алтай*, родная земля, дай мне свое благословение!’.

Персонализация Алтая подчеркивается наличием у него человеческих частей тела: алт. *Колтыгына кондырган, / Койнына сыгындырган* [29, с. 54] ‘В своих подмышках позволяя ночевать, / За пазухой позволяя охотиться на косуль’.

Таким образом, родная земля предстает в облике самых близких человеку людей – отца и матери, а также высших существей, основной функцией которых является защита людей, обеспечение их благоденствия.

4. РОДНАЯ ЗЕМЛЯ как освоенное пространство (физическая сфера)

Родная земля в языковой картине мира сибирских народов предстает как «свое», обжитое человеком пространство, территория его проживания.

Как в тюркских языках, так и в хантыйском для обозначения малой родины используется лексема со значением ‘земля’ с аффиксами принадлежности и в сочетании с местоимением ‘свой’: алт. ...*эмди мен катап ла јеримде* [30, с. 86] ‘...теперь я снова на родине (букв.: **на своей земле**)’; хак. *Анда пістің чирнің үчүн паза чонның чуртазы чарых ползын тіп, сурынарға кирек теен* [31, с. 38] ‘[Она] сказала, там нужно молиться за **нашу землю** (родину), чтобы жизнь народа была светлой’; як. *Сирим-буорум иннигэр / Сэриһитинэн сырыттым, / Сэриһитинэн барыабым / Силлиэ түһэр күнүгэр* [32, с. 37] ‘Ради Родины (букв.: **земли=моей-почвы=моей**) / Я был солдатом, / Уйду солдатом / В день, когда поднимется буря’; хант. *Мүвев мун иса мосман тайлэв* ‘**Землю нашу** (родину) мы всегда бережем’ [33, с. 161].

Из монгольских языков такое наименование родной земли встречается в калмыцком: *Кулг ижлэн хээдг, күн һазран сандг* ‘Скакун рвется к своему табу, человек тоскует по родному краю’ (букв.: **по своей земле**)’ [14, с. 43].

В тюркской лингвокультуре родная земля ассоциируется с родным стойбищем, домашним очагом. В тувинском и хакасском языках в значении ‘родина’ используется общетюркское многозначное слово *чурт* ‘деревня, стойбище, дом, семья’ и включающие его парные слова (тув. *чурт, чер-чурт* ‘земля-малая родина’, хак. *чурт-суз* ‘земля, родина’). Смысловая структура слова *чурт* в тюркских языках показывает связь понятия ‘родина’ с родным для человека стойбищем, местом проживания его родоплеменной группы. Эта связь прослеживается и в парном слове як. *сирим-уотум* ‘место жительства и окружающая среда’ (букв.: моя земля, мой огонь), которое из рассматриваемых языков встречается только в якутском.

Родная земля человека – это земля, освоенная предками, место, где живут его родные: алт. *Адам жүрген Алтайым! / Энем жүрген Алтайым!* ‘Мой Алтай, где отец мой ходил / Мой Алтай, где мама моя ходила’, *малдап баскан Алтайым* ‘мой Алтай, где я пас скот’; хант. *Тят оpraśław-śaśiləw kaslijəт тйw, хоти тйң јел мәлөw* ‘Это земля предков (букв.: прадедов-бабушек), по которой они кочевали, как мы можем ее отдать’ [34].

5. Сакральная составляющая концепта РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Сакрализация родной земли относится к лингвокультурным универсалиям. Это, в частности, отражают такие эпитеты родной земли, как ‘священный’, ‘божественный’ и т. п.,

например: хак. *Пу ызых чир. Прай тиксі Хакасия* [25, с. 55] ‘Это священная земля. Вся наша Хакасия’.

В лингвокультуре алтайцев Алтай занимает центральное место, является ее «ключевой идеей» и играет определяющую роль для этнической идентификации. В алтайской языковой картине мира Алтай предстает как Бог, который защищает, оберегает, благословляет, кормит свой народ: алт. *Бускаланг чак тужунда / Тыныбыс алган Алтайыс!* [29, с. 51] ‘В смутный век / Жизнь нашу спасший наш Алтай!’.

Обожествление родной земли-Алтая ярко проявляется у алтайцев, которые называют своим богом *Алтай Кудай* ‘Алтай бог’. Божеством Алтай-Кудай в начале XX в. было замещено более древнее божество *Жер-Суу* (букв.: земля-вода) [35, с. 6]. Божество древних тюрков *Jersub*, по-видимому, также было связано с родной землей.

Почитание и обожествление Алтая отмечается у тувинцев Монголии и Китая, у монгольских племен (дорбетов, захчинов и ойратов), проживающих в Монголии. Алтай для них является «синонимом исторической родины, родовой территории, родной земли и священным местом их поклонения» [36, с. 27]. В народных песнях ойратов в качестве идеализированной сакральной родины выступает Алтай: «Алтайский хребет зачастую называют кочевьем отца и матери» [37, с. 17]. В фольклоре калмыков Алтай – сакральное пространство, далекая историческая родина [19, с. 166, 248]. Следы почитания Алтая сохранились в фольклоре тувинцев Республики Тыва и у бурят.

Неотъемлемыми компонентами «своего» пространства выступают также духи – хозяева родной земли, являющиеся ее покровителями: хак. *Пістің чирібіс-суубыс піледірзер: улуг хагбалыг чир* [13, с. 60] ‘Наша родина, знаете вы: земля с великими духами’; тув. *Өскентөрээн черинге чалбарып, дораан саң салган, чер ээзинге аьш-чеминиң дээжизин тавыскалалан* [38, с. 90] ‘Родной земле молясь и прося милости, сразу разожгли огонь для обряда окуривания, преподнесли хозяину земли самое лучшее из еды’; як. *Хата дойдум иччилэрэ харааннаан, сэрэтэн эттэхтэрэ буолуо дии санаан бэйэтин уоскутунар* [39, с. 33] ‘Наверное, духи родины сказали, чтобы защитить, предупредить, – подумав, успокаивал он себя’; хант. *Łonxław omæsti jeməŋ m̄wew, oprasław-sašilaw uləm rut m̄wew, xolsa xuwłəm semli-wenšli otət elti sajlalaw* ‘Священную землю, где боги наши сидят, родную землю, где предки (букв.: прадеды-бабушки) наши жили, защищаем от откуда-то всплывших слепых-бессовестных (букв.: без глаз – без лица) людей’.

6. Признаки, которыми наделяется родная земля, в лингвокультуре сибирских народов

Важная составляющая концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* – свойства, качества, которыми наделяют свою родину данные языковые коллективы. Этноспецифичные черты концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* проявляются в национально окрашенных маркерах своей земли, значимых с точки зрения этноса.

Общим для тюркской и монгольской лингвокультур является представление о целебности родной земли: алт. *Алтай кижиге јери де эм* [24, с. 179] ‘Алтайцу даже родная земля лекарство’; калм. *Урһен һазрин усн аршан, төрскн һазрин шора эм гидг* ‘Говорят, вода родины – аршан, пыль родины – лекарство’ [14, с. 43].

Устойчивые эпитеты Алтая у алтайцев – *аржан суулу* ‘с целебными источниками’, *эмдү-томду* ‘с лекарственными травами’; *артыш/арчын јытту* ‘с можжевелевым запахом’ и др.

Выявляются общие тюрко-монгольские устойчивые эпитеты Алтая: алт. *Кан Алтай, бай Алтай* ‘священный Алтай’; тув. цэнг. *Довураанга тодурган, / Балгажсынга байыткан бай Алдайым!* ‘Своей землей нас насытивший, / Грязью нас обогативший, мой **богатый Алтай!**’ [36, с. 28]; монг. *Ийм л сайханбаян / Хүдэр, хүрэн / Хан Алтай Хангай / Хоёр нутаг минь* ‘Такие красивые **богатые** / Мощные, темные / **Хан Алтай** Хангай / две родины мои’ [40, с. 168].

Слово *бай* в алтайском языке имеет значения ‘богатый’ и ‘священный’. Возможно, тув. *бай* и монгольское *баян* при названиях *Алтай* и *Хангай* также обозначают не просто богатство этих земель, а их сакральность.

Одной из распространенных метафор, сопровождающих образ Алтая в песенном и поэтическом творчестве западных монголов, является *алтан нутаг* ‘золотое кочевье’, при этом с помощью эпитета *алтан* ‘золотой’ «в архетипическом сознании характеризуется качественная структура мира. Эпитет “алтан” всегда связан с верхом и вертикалью». Это значение усиливается за счет прилагательного *богдын* ‘священный’ и существительного *орой* ‘вершина’ [37, с. 17–23].

У алтайцев один из эпитетов Алтая в фольклорных текстах также включает слово ‘золотой’: *Алтын сынду Алтай* ‘с золотыми хребтами Алтай’.

У хантов описание родной земли сопровождается упоминанием об изобилии населяющих ее людей, богатстве флоры и фауны: хант. *Najijen śōrās teləŋ tǰw* / *Xqjijen śōrās teləŋ tǰw* ‘Сотнями женщин полная земля, / Сотнями мужчин полная земля’ [41, с. 255, 256]; *Ай лүк пуны щүньэу мўвны*, / *Нәу щи енмийийәлмән?* / *Ай пеши пун щүньәумўвна* / *Нәу щи енмийийәлмән?* [42, с. 108] ‘Перьями маленьких глухарей изобильная счастливая земля, / На ней ты вырос? / Шерстью маленьких оленят изобильная счастливая земля, / На ней ты вырос?’.

Таким образом, в каждом языке отмечаются свои, особенные признаки, свойства, характеризующие родную землю. Наблюдаются некоторые общие черты между описанием Алтая в языковых картинах мира алтайцев и монгольских народов (устойчивые эпитеты ‘священный’, ‘целебный’ и др.).

Заключение

У сибирских, а также монгольских народов в представлениях о родной земле выявляется много общего при наличии также некоторых этноспецифичных черт данного концепта.

Основные репрезентанты рассмотренного концепта – это слова с общим значением ‘земля’, подчеркивающие связь с тем физическим пространством, в котором обитает человек. Родная земля представляется как место, где человек родился и вырос, земля, освоенная предками, где живут родители, родственники; на родной земле обитают духи-хозяева, ее покровители. У тюркских народов подчеркивается, что на родине нужно окончить свои дни и быть похороненным.

Универсальным является представление о родстве человека со своей землей. Родина выступает в качестве родителя, с которым человек связан и физически (у тюркских народов – как с матерью через пуповину), и эмоционально. В тюркской языковой картине мира образ родины персонифицирован: частотными являются сочетания репрезентантов концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* с разнообразными соматизмами, уникальными для разных языков.

«Свое» пространство отмечается в рассматриваемых лингвокультурах такими маркерами, как река (у тюрков, монгольских народов и хантов), гора, родное стойбище, кочевье (у тюрков и монгольских народов), алас и очаг (у якутов), лес (у хантов), место захоронения последа (у монгольских народов).

Важная универсальная черта в лингвокультурах разных этносов – богатая палитра выразительных, эмоционально окрашенных средств, которыми сопровождаются репрезентанты концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* в текстах: во всех сферах родной земле приписываются лучшие, самые высокие отличительные признаки. Это священное, сакральное пространство (во всех лингвокультурах), она целебна, целебны ее источники (у тюркских и монгольских народов) и травы (у алтайцев).

Представления о родной земле в языковой картине мира, фольклоре и обрядовой практике играют важнейшую роль в этнической самоидентификации и формировании общекультурных ценностей.

Список условных сокращений:

алт. – алтайский язык; др.-т. – древнетюркский язык; калм. – калмыцкий язык; монг. – монгольский язык; тув. – тувинский язык; хак. – хакасский язык; хант. – хантыйский язык; цэнг. – цэнгельский говор тувинского языка (Северо-Западная Монголия); як. – якутский язык.

Список источников:

1. Тюнтешева Е. В., Байыр-оол А. В., Озонова А. А., Шагдурова О. Ю., Тазранова А. Р., Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б., Невская И. А., Шенцова И. В., Горбунова В. А., Стручкова Я. В. Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири. Новосибирск: Академиздат, 2021. 300 с.
2. Содномпилова М. М. Концепт родина в культуре монгольских народов // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 124–134.
3. Голикова Т. А. Этнокультурологическое содержание концепта «Алтай»: материалы к словарю // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: материалы IV Международных Березинских чтений. Вып. 14. М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2008. С. 47–55.
4. Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И. Алаас как концепт якутской лингвокультуры // Урало-алтайские исследования. 2014. № 1 (12). С. 58–66.
5. Чугунекова А. Н. Концепт ЧИР ('земля') в языковой картине мира хакасов // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3 (64). С. 338–342.
6. Боргоякова Т. Г. Человек и его пространство в хакасском языковом сознании // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 3 (17). С. 50–57. doi: 10.23951/2307-6119-2017-3-50-57
7. Монгуш А. А., Бавуу-Сюрюн М. В. Лексические репрезентации концепта «Родина» в стихотворных текстах тувинских писателей // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (40). С. 106–117.
8. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект): Более 9 000 слов. / под ред. А. А. Бурькина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 689 с.
9. Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
10. Хакасско-русский словарь / под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
11. Бурнаков В. А. Вода в традиционном мировоззрении хакасов: образ и символ (конец XIX – середина XX в.) // Народы и религии Евразии. № 3 (20). 2019. С. 86–100.
12. Тадина Н. А. Река как образ родины у алтайцев // Реки и народы Сибири: сб. научных ст. СПб.: Наука, 2007. С. 151–159.
13. Күмүс абдырачах. Хакас чоңының нымахтары паза кип-чоохтары. Серебряная шкатулка: хакасские народные сказки и легенды. Абакан, 2018. 106 с.
14. Есенова Т. С. Лингвокультурный концепт «Родина» в языковом сознании русских и калмыков // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2009. № 3 (31). С. 38–44.
15. Санжина Д. Д. Земля в языковой картине мира монголоязычных народов. URL: <http://www.ayk.gov.tr/wp-content/uploads/2015/01/SANJINA-Darima-SANJINA-Darima-Zemlya-v-языковой-картине-мира-монголоязычных-народов.pdf> (дата обращения 10.10.2023).
16. Ойноктинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки (Алтай кеплеукаасөстөр). Новосибирск, 2010. 268 с.
17. Сказки Гришкина Геннадия Григорьевича / пер. с хантыйского языка П. Т. Тарлина. Ханты-Мансийск, 2012. 132 с.
18. Невероятные истории из жизни казымских ханты / сост. Е. Д. Каксина. Вып. 1. Ханты-Мансийск, 2018. 60 с.
19. Хабунова Е. Э., Гедеева Д. Б., Убушиева Б. Э. Топонимы в фольклорном тексте калмыков // Новые исследования Тувы. 2018. № 3. С. 242–257.
20. Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2006. 232 с.
21. Бурнаков К. С. Горы – неотъемлемая часть концепта «Родина» в этнической культуре хакасов // Вестник современных исследований. № 1.1 (28). 2019. С. 34–37.
22. Алтын Арыҕ. Алыптыҕ нымах. Богатырские сказания, записанные от С. П. Кадышева. Абакан, 1987. 232 с.
23. Савицкая С. В. Сопоставительное исследование языкового сознания русских и якутов (на примере образа родины) // Вопросы психолингвистики. 2017. № 1 (31). С. 203–216.
24. Маскина Ж. Јүрүмнин журуктары. Горно-Алтайск, 2002. 184 с.
25. Чебодаева Л. И. Обекелерниң чолларыңча. Уклинча уучаның чоохтары. По дорогам предков. Рассказы бабушки Уклинчи. Абакан, 2011. 194 с.
26. Сподина В. И. Ценностные характеристики «своей земли» в традиционной культуре коренных народов Югры как маркер этнической идентичности // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 328. С. 77–80.

27. Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Лаборатория этнографии НИЧ ХГУ, 1999. 240 с.
28. Хакас чонның хынчатхан сарыннары. Любимые песни хакасского народа. Сборник песен на хакасском языке. Ағбан, 2019. 68 с.
29. Алтай алкыштар: Алтай албытынын оос творчествозы / сост. Е. К. Укачина, Е. Е. Ямаева. Горно-Алтайск: Изд-во «Ак Чечек», 1993. 144 с.
30. Кокышев Л. Јус письмо. Горно-Алтайск, 1990. 208 с.
31. Чебодаева Л. И. Обекелер чолларынча. Айолка оолахтың чарых түстері. По дорогам предков. Светлые сны мальчика Айолки. Абакан, 2018. 60 с.
32. Хотугу сулус: [сахалы тылын уус-уран литературнай уонна общественно-политической сурунаал]. Якутская, 1947. №5 (23). 125 с.
33. Лельхова Ф. М. Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект). Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом “Новости Югры”», 2012. 207 с.
34. Шиянова А. А. Парные слова хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта). Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2015. 156 с.
35. Тюхтенева С. П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. 169 с.
36. Дампилова Л. С., Юша Ж. М. Мифологический образ хозяина Алтая: функции и семантика // Сибирский филол. журнал. 2021. № 1. С. 24–36. doi: 10.17223/18137083/74/2
37. Белокурова С. М., Мушникова Е. А. Концепт «Родина» в монгольской лингвокультуре // Барышникова Н. Г., Белокурова С. М., Двоежанова Н. Г., Капустина Е. А., Карагодин А. А., Карагодина И. А., Киба О. А., Мушникова Е. А., Стенина В. Ф. Лингвокультурологический подход в контексте развития трансграничного сотрудничества Большого Алтая. Барнаул: Изд-во «Алтайский дом печати», 2018. С. 17–22.
38. Кудажы К-Э. К. Уйгучок Улуг-Хем: роман. Кызыл том. Кызыл: ТывНУЧ, 2002. 376 с.
39. Чолбон: [уус-уран литературнай уонна общественной-политической сурунаал]. Дьокуускай, 2015. № 9. 96 с.
40. Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э., Чулуун З. Топоним Алтай в мотиве пути в эпосе монгольских народов // Oriental Studies. 2018. Vol. 39. Iss. 5. С. 166–173.
41. Сказки, песни хантов полноватского Приобья / сост. Т. Р. Пятникова, Р. К. Слепенкова. Ханты-Мансийск: Ижевск, 2016. 344 с.
42. Земля кошачьего локотка. Кань куншолан / сост. Т. А. Молданов. Вып. 5. Ханты-Мансийск, 2010. 202 с.

Тюнтешева Елена Валерьевна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: tyunteshvae@mail.ru

Озонова Айяна Алексеевна

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языков народов Сибири.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: ajanao@mail.ru

Кошкарёва Наталья Борисовна.

Доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором языков народов Сибири.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: koshkar_nb@mail.ru

Материал поступил в редакцию 22 января 2024 г.

E. V. Tyuntешеva, A. A. Ozonova, N. B. Koshkarev

HOMELAND IN THE LINGUISTIC IMAGE OF THE WORLD IN SIBERIAN LANGUAGES

The following article analyzes the concept of *HOMELAND* in the Siberian Turkic languages (Altai, Khakas, Tuvan, Yakut) and Khanty (an Ob-Ugric language), in contrast to the Mongolian languages. Compared to Russian, where *HOMELAND* encompasses the ‘small homeland’ and the ‘large homeland’ as a state, the concept of *HOMELAND* is still developing in the Siberian languages, partly under the influence of Russian linguaculture.

In the Siberian and Mongolian linguistic images of the world, the homeland is represented as an idealized space (both physical and spiritual) conquered by the ancestors. The notion of homeland is associated with birth (the land where a person was born and their afterbirth was buried), kinship (homeland as a parent, metaphorical connection with the homeland through the umbilical cord), objects that mark one's 'own' space (rivers, mountains, meadows, forests, campsites, hearths). Also important are the national characteristics and qualities attributed to the homeland by native speakers (junipers, healing springs, richness of flora and fauna, abundance of people). Emotional components of the concept are also essential and are verbalized through expressions that positively characterize the homeland. We distinguish common and unique national features of the concept of *HOMELAND* in the languages mentioned above. For example, *HOMELAND* is defined in all languages as the land where someone was born and raised; the idea of kinship with the land is also universal, as is the sacralization of space and the presence of a body of water. In the descriptions of the Altai, certain similarities can be found between the linguistic worldviews of Altaic and Mongolian (frequent epithets such as 'sacred,' 'golden,' and 'healing'). Certain unique somatisms and verbs characterizing the homeland as an anthropomorphic being are found in different Turkic languages.

Keywords: *Siberian Turkic languages, Khanty language, Mongolian languages, linguistic worldview, concept, linguaculture, lexis*

References:

1. Tyuntesheva E. V., Bayyr-ool A. V., Ozonova A. A., Shagdurova O. Yu., Tazranova A. R., Fedina N. N., Koshkareva N. B., Nevskaya I. A., Shentsova I. V., Gorbunova V. A., Struchkova Ya. V. Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyy mir cheloveka cherez prizmu yazykov Sibiri [The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia]. Novosibirsk: Akademizdat, 2021. 300 p. (in Russian).
2. Sodnompilova M. M. Kontsept rodina v kul'ture mongol'skikh narodov [The concept of Homeland in the culture of the Mongolian peoples] // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. 2007. No. 3. P. 124–134 (in Russian).
3. Golikova T. A. Etnokul'turologicheskoe sodержanie kontsepta «Altay»: materialy k slovaryu [Ethnocultural content of the concept «Altai»: materials for the dictionary] // Yazykovoie bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty: materialy IV Mezhdunarodnykh Berezinskiykh chteniy [Linguistic existence of a person and an ethnic group: psycholinguistic and cognitive aspects. Materials of the IV International Berezinsky Readings]. Iss. 14. M.: INION RAN, MGLU, 2008. P. 47–55 (in Russian).
4. Dyachkovskiy F. N., Popova N. I. Alaas kak kontsept yakutskoy lingvokul'tury [Alaas as a concept of Yakut linguoculture] // Uralo-altayskie issledovaniya [Ural-Altai studies]. 2014. No. 1 (12). P. 58–66 (in Russian).
5. Chugunekova A. N. Kontsept ChIR ('zemlya') v yazykovoy kartine mira khakasov [The concept of CHIR ('earth') in the linguistic picture of the Khakass world] // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture, and education]. 2017. No. 3 (64). P. 338–342 (in Russian).
6. Borgoiakova T. G. Chelovek i ego prostranstvo v khakasskom yazykovom soznanii [A person and his social space in the Khakass languages consciousness] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2017. No. 3 (17). P. 50–57 (in Russian). doi: 10.23951/2307-6119-2017-3-50-57
7. Mongush A. A., Bavuu-Syuryun M. V. Leksicheskie reprezentatsii kontsepta «Rodina» v stikhotvornyykh tekstakh tuvinskikh pisateley [Lexical representations of the concept of «Motherland» in poetic texts of Tuvan writers] // Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020. No. 2 (iss. 40). P. 106–117 (in Russian). doi: 10.25205/2312-6337-2020-2-106-117
8. Solovar V. N. Khantyysko-russkiy slovar' (kazymskiy dialekt) [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. A. A. Burykin (Ed.). Novosibirsk: izdatel'stvo SO RAN, 2020. 689 p. (in Russian).
9. Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary]. V. M. Nadelayev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Sherbak (Eds.). Leningrad, Nauka, 1969. 676 p. (in Russian).
10. Khakassko-russkiy slovar' [Khakas-Russian dictionary]. O. V. Subrakova (Ed.). Novosibirsk, 2006. 1112 p. (in Russian).
11. Burnakov V. A. Voda v traditsionnom mirovozzrenii khakasov: obraz i simvol (konets XIX – XX v.) [Water in the traditional worldview of the khakas: image and symbol (late XIX – mid XX century)] // Narody i religii Evrazii [Nations and religions of Eurasia]. 2019. No. 3 (20). P. 86–100 (in Russian).
12. Tadina N. A. Reka kak obraz rodiny u altaytsev [The river as an image of the homeland of the Altaians] // Reki i narody Sibiri: sbornik nauchnykh statey [Rivers and peoples of Siberia: collection of scientific articles]. SPb.: Nauka, 2007. P. 151–159 (in Russian).
13. Kümüs abdyrachakh. Khakas chonynyn nymakhtary paza kip-chookhtary. Serebryanaya shkatulka: khakasskie narodnye skazki i legendy [Silver Casket: Khakass folk tales and legends]. Abakan, 2018. 106 p. (in Russian).

14. Esenova T. S. Lingvokul'turnyy kontsept «Rodina» v yazykovom soznanii russkikh i kalmykov [The linguistic and cultural concept of «Homeland» in the linguistic consciousness of Russians and Kalmyks] // Gumanitarnyye issledovaniya. Zhurnal fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy [Humanitarian studies. Journal of Fundamental and Applied Research]. 2009. No. 3 (31). P. 38–44 (in Russian).
15. Sanzhina D. D. Zemlya v yazykovoy kartine mira mongoloyazychnykh narodov [The Earth in the linguistic picture of the world of the Mongolian-speaking peoples] / URL:<http://www.ayk.gov.tr/wp-content/uploads/2015/01/SANJINA-Darima-SANJINA-Darima-Zemlya-v-yazykovoy-kartine-mira-mongoloyazychnykh-narodov.pdf> (accessed: 10.10.2023) (in Russian).
16. Oynotkinova N. R. Altayskie poslovitsy i pogovorki. Altay kep le ukaa söstör [Altai proverbs and sayings]. Novosibirsk, 2010. 268 p. (in Russian).
17. Skazki Grishkina Gennadiya Grigor'evicha [Tales of Gennady Grigoryevich Grishkin]. Translated from the Khanty language by P. T. Tarlin. Khanty-Mansiysk, 2012. 132 p. (in Russian).
18. Neveroyatnye istorii iz zhizni kazym'skikh khanty [Incredible stories from the life of the Kazim Khanty]. The compiler of the collection is E. D. Kaksina. No. 1. Khanty-Mansiysk, 2018. 60 p. (in Russian).
19. Khabunova E. E., Gedeeva D. B., Ubushieva B. E. Toponimy v fol'klornom tekste kalmykov [Toponyms in the Kalmyk-folklore] // Novyye issledovaniya Tuvy [The new research of Tuva]. 2018. No. 3. P. 242–257 (in Russian).
20. Kenin-Lopsan M. B. Traditsionnaya kul'tura tuvintsev [Traditional Tuvan culture]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 232 p. (in Russian).
21. Burnakov K. S. Gory – neot'emlemaya chast' kontsepta «Rodina» v etnicheskoy kul'ture khakasov [Mountains are an integral part of the concept of «Homeland» in the ethnic culture of the Khakas] // Vestnik sovremennykh issledovaniy [Bulletin of Modern Research]. No. 1.1 (28). 2019. P. 34–37 (in Russian).
22. Altyn Aryg. Alyptyy nymakh. Bogatyr'skie skazaniya, zapisannyye ot S. P. Kadysheva [AltynAryg. Heroic tales recorded by S. P. Kadyshchev]. Abakan, 1987. 232 p. (in Russian).
23. Savitskaya S. V. Sopostavitel'noye issledovanie yazykovogo soznaniya russkikh i yakutov (na primere obraza rodiny) [Comparative study of language consciousness of russians and yakuts (On the example of the image of homeland)] // Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2017. No. 1 (31). P. 203–216 (in Russian).
24. Maskina D'. D'ürümniñ d'uruktary [The colors of life]. Gorno-Altaysk, 2002. 184 p. (in Russian).
25. Chebodaeva L. I. Öbekelerniñ chollaryncha. Uklincha uuchanyñ chookhtary. Po dorogam predkov. Rasskazy babushka Uklinchi [On the roads of the ancestors. Stories of Grandma Uklinchy]. Abakan, 2011. 194 p. (in Russian).
26. Spodina V. I. Tsenostnyye kharakteristiki «svoey zemli» v traditsionnoy kul'ture korennykh narodov Yugry kak marker etnicheskoy identichnosti [The value characteristics of «one's own land» in the traditional culture of the indigenous peoples of Yugra as a marker of ethnic identity] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]. 2009. No. 328. P. 77–80 (in Russian).
27. Butanaev V. Ya. Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar' [Khakas-Russian historical-ethnographic dictionary]. Abakan: Laboratory of Ethnography NICHKhGU, 1999. 240 p. (in Russian).
28. Khakas chonnyn khynchatkhan sarynnary. Lyubimyye pesni khakasskogo naroda. Sbornik pesen na khakasskom yazyke [Favorite songs of the Khakass people. Collection of songs in the Khakass language]. Ayban, 2019. 68 p. (in Russian).
29. Altay alkysh'tar: Altay albatynyn oos tvorchestvozy [Altai good wishes. Oral folk art of the Altai people]. The compilers of the collection are E. K. Ukachina, E. E. Yamaeva. Gorno-Altaysk, «AkChechek». 1993. 144 p. (in Russian).
30. Kokyshev L. D'üs pis'mo [One hundred letters]. Gorno-Altaysk, 1990. 208 p. (in Russian).
31. Chebodaeva L. I. Öbekeler chollaryncha. Ayolka oolakh'tyn charykh tusteri. Po dorogam predkov. Svetlye sny mal'chika Ayolki [On the roads of the ancestors. Bright dreams of the boy Ayolka]. Abakan, 2018. 60 p.
32. Khotugu sulus: [sakhalyy tylynan uus-uran literaturnay, uonna obshchestvenno-politicheskay surunaal]. Yakutskay, 1947. No. 5 (23). 125 p. (in Russian).
33. Lel'hova F. M. Slovar' glagolov khantyyskogo yazyka (shuryshkarskiy dialekt) [Dictionary of verbs of the Khanty language (Shuryshkar dialect)]. Khanty-Mansiysk: OAO «Izdatel'skiy dom «Novosti Yugry», 2012. 207 p. (in Russian).
34. Shiyanova A. A. Parnyye slova khantyyskogo yazyka (na material shuryshkarskogo dialekta) [Paired words of the Khanty language (based on the material of the Shuryshkar dialect)]. Tyumen': OOO «FORMAT», 2015. 156 p. (in Russian).
35. Tyukhteneva S. P. Zemlya. Voda. Khan Altay: etnicheskaya kul'tura altaytsev [Earth. Water. Khan Altai: ethnic culture of the Altai people]. Elista: Izd-vo KalmGU, 2009. 169 p. (in Russian).
36. Dampilova L. S., Yusha Zh. M. Mifologicheskiy obraz khozyaina Altaya: funktsii i semantika [The mythological image of the owner of Altai: functions and semantics] // Siberian Journal of Philology. 2021. No. 1. P. 24–36 (in Russian). doi: 10.17223/18137083/74/2
37. Belokurova S. M., Mushnikova E. A. Kontsept «Rodina» v mongol'skoy lingvokul'ture [The concept of «Homeland» in the Mongolian linguistic culture] // Baryshnikova N. G., Belokurova S. M., Dvoezhanova N. G., Kapustina E. A., Karagodin A. A.,

- Karagodina I. A., Kiba O. A., Mushnikova E. A., Stenina V. F. Lingvokul'turologicheskiy podkhod v kontekste razvitiya transgranichnogo sotrudnichestva Bol'shogo Altaya [Linguistic and cultural approach in the context of the development of cross-border cooperation in the Greater Altai]. Barnaul: «Altayskiy dom pechati», 2018. P 17–22 (in Russian).
38. Kudazhy K-E. K. Uyguchok Ulug-Khem The restless Ulug-hem]. Kyzyl tom. Kyzyl: TyvNYCh, 2002. 376 p. (in Russian).
39. Cholbon: [uus-uran literaturnay uonna obshchestvennay-politicheskay surunaal]. [Star: artistic and literary, socio-political magazine]. D'okuuskay, 2015. No. 9. 96 p. (in Russian).
40. Dampilova L. S., Khabunova E. E., Chuluun Z. Toponim Altay v motive puti v epose mongol'skikh narodov [The toponym Altai in the motif of the way in the epic of the Mongolian peoples] // OrientalStudies. 2018. Vol. 39. Iss. 5. P. 166–173 (in Russian).
41. Skazki, pesni khantov polnovatskogo Priob'ya [Fairy tales, songs of the Khants of the Polnovatsky Ob region]. The compiler of the collection is T. R. Pyatnikova, R. K. Slepenskova. Khanty-Mansiysk : Izhevsk, 2016. 344 p. (in Russian).
42. Zemlya koshach'ego lokotka. Kan' kunsholäj [The land of the cat's elbow]. The compiler of the collection is T. A. Moldanov. No. 5. Khanty-Mansiysk, 2010. 202 p. (in Russian).

Tyuntешева Елена Валер'евна.

Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva Str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: tyunteshvae@mail.ru

Ozonova Aiiana Alekseevna.

Candidate of Philology.

Leading Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva Str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: ajanao@mail.ru

Koshkareva Natalia Borisovna.

Doctor of Philology, Professor.

Head of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva Str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: koshtar_nb@mail.ru